

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИСКУССТВО

В девятнадцатый раз на Брянщину пришел поэтический праздник, посвященный памяти Алексея Константиновича Толстого.

Нынешний год по целому ряду обстоятельств является годом особенным. Это год подготовки к XXVII съезду партии, год 40-летия Великой Победы, а для жителей нашей области он примечателен еще и празднованием тысячелетнего юбилея города Брянска. Есть и еще одна знаменательная дата: 800-летие со времени создания «Слова о полку Игореве».

Все это, естественно, лакмудывает свою печать и на содержание литературного праздника.

Праздник начался вчера поэтическим вечером в брянском Парке-музее имени А. К. Толстого. А сегодня — по традиции — будет продолжен в селе Красный Рог Почепского района, где жил и творил выдающийся сын земли русской, где 110 лет назад его проводили в последний путь.

Сегодня в старинном парке ровно в полдень состоятся большой поэтический митинг. Как всегда, любители литературы смогут не только послушать современных поэтов — брянских и наших гостей из многих городов страны, но и приобрести новые книги, побывав в мемориальном музее А. К. Толстого.

Добро пожаловать на поэтический праздник!

Людмила ШИКИНА

ЛЮДИ —

МОИ ДЕТИ

Реки — мои вены,
Корни — мои нервы,
Крылья мои — ветер.
Люди — мои дети.
Я земля — я мать,
Я дала вам память,
Я дала вам разум,
Чтобы помнить горе,
Чтобы помнить радость.
Я виграва солнце
в колесницу лета.
Над лугами небо —
радугу ленты.
Дети мои, дети,
к вашей колыбели
Я боязь берегу,
Я зову метели.
На моих ладонях
раны и ожоги.
Забинтуют зимы,
и опять дороги
Поведут вас к пашням,
поведут вас к нивам.
Загрохочут грозы.
Отзовутся ливни.
Мои дети — люди!
Что же с вами будет,
Если поискашут
мои реки-вены,
Если поискашут
мои корни-нервы?

Николай АГЕБЕВ.

Мои сегодня бродят память
Средь первобытной тишины,
Над теми зловещими холмами,
Где русичи погребены.
Шумят веха в былинных
травах,
И росий воздух наполнил грудь,
И рукий корпун величаво
Скользит в безоблачную
рутуть.
Все это вижу и не вижу,
И все смотрю из-под руки,
Как ветры грозы колышут,
Дотла скрипят, висильки.
А им бы жить,
Глядеться в небо
И умываться бы росой...
Но рассечек колпаком
стебель,
И свет погас над головой.
И сон тяжелый, непробудный
Его окутал, словно наст.
Навстречу всыхнувшему
утру
Не разомкнуть смеженные
глаз.

И не подняться, не окинуть
Ковыльно-знойный окос...

Тоскуют где-то мать о сыне
И говорит как о живом...

г. МОСКАВА.

Валентин
ДИНАВУРСКИЙ

Я, наверно,
родился

в рубашке

В ту лихую, окопную

юность,

не мечталось дождь

до садик.

Сколько, сколько очей

сокнулося,

сколько песен застрило

в груди?

Не считай бугорков

придорожных,

обелисков в стени.

не считай

Только Память светло

и тревожна

нас ведет на передний

свой край.

Тишина. Ее тихесть

безмерна

среди гор, и лесов,

и долин.

Лишь звенят в напряжении

корни.

Я из сотни вернулся один.

Я, наверно, родился

в рубашке.

Память в рост

исполинский встал,

и чёрнело из поле

ромашки,

как тогда, в незабвенный

тот год.

И врывается танки

из мрака,

и летят, и горят

под отнем...

Если старый солдат

заплакал, —

это прошлое ожило в нем.

ДУМА БОЯНА

Иван КАСАЦКИЙ

* * *

Был бы дом, был бы хлеб
на столе,
Добрый друг и
открытые двери...
А еще, чтобы был
на земле
 тот, кто преданно любит
и верит.
Был бы мир на земле
и покой,
В васильках полевая
дорога,
Шесть отцовских берез
над рекой —
Словно добрая память
былого.

В ВТОРОЙ половине прошлого века в курортном Карлсбаде русские знаменитости были не редкость. Там лечились Гончаров, Вяземский, Тургенев, А. К. Толстой на протяжении ряда лет пользовались карлсбадскими минеральными водами. Лечил его практиковавший там в летние месяцы венский медик, профессор Зеген, пользовавшийся среди больных широкой популярностью. Фрау Зеген была писательницей, восторженной поклонницей Толстого. Порт посетил ее литературный салон и был у Зегенов своим человеком.

В последний раз Алексей Константинович посетил Карлсбад в июне—июле 1875 года, возвращаясь на родину после длительного пребывания на заграничных курортах. Возвращался он очень болезнью и слабым, его часто мучили приступы невралгии и астмы. Но чутко становилось ему легче, он снова принимался за литературную работу, интересовался общественной жизнью. Накануне отъезда из Карлсбада он согласился участвовать вместе с Тургеневым в благотворительном концерте, который давался в пользу моршинских погорельцев.

Он читал поэты

и писатели, какими мыслами поделились с ними? Родной край стоял перед его глазами: «В лугу, весной одетом, ручей меж трав кипел, молчалив; был тихий час меж сумраком и светом, лес лесом солес, полей и нив». Здесь, как видим,

что с самого рождения — холоп, я тяжко зреТЬ забытых, сирых, нищих, кто часом с квасом, а порой с водой. Мой дед роптал, что в мире, а больше ль стало на моем веку? А тут князь усобицы, сраженья, там печенеги вдруг на Русь войною, там половцы... По убийским плачи плывут, как перелетом журвали. Не всякому ли ведомо, что войны стократ страшней холеры и чумы? А вот, поди ж, одни еда лиши стихнет — торопится другая не покос.

Я стар уже, я много в жизни видел и много думал, что, уразуметь, в чем корень зла, причины наших бедствий.

И что ж я понял? Только лишь одно: Все в людях зреет, все от человека — обычай и жизненный уклад, и сказок смысл, и зов молитв и песен, покров одежд, и храмов красота.

Да, в нашей жизни все от человека, а человек, он разным может быть: он драгоценнейший сосуд, который наполнить можно ядом или вином.

Все может человек в порыве добром: от ворога. Отчизну уберечь, дворцы поставить, города построить, возвысить справедливость и себя.

Все может человек! Все могут люди! Но век тогда наступят золотой, когда они друг друга станут лучше и золотые застучат сердца.

Насколько ж переменится вы, люди, какими вы будеши, новый человек, в еще загадочном для нас грядущем — через пятьсот и через тысячу лет?

Илья ШВЕЙЦЕР.

На снимке: памятник Бояну в Трубчевске.

Фото Н. Романова.

эгоизмом, антигуманного мира.

Зная поэта, мы не удивляемся постоянству его эстетических взглядов, нескончаемому вере в конечную победу прекрасного в жизни. «Не признавать в человеке чувства прекрасного», — пишет он, — находит это чувство роскоши, хотеть убить его и работать только для материального благосостояния человека — значит отнимать у него его лучшую половину, значит, изводить его на степень стихийного животного, которому хорошо, потому что его не было и съело кормят. Художественность в народе не только не мешает его гражданственности, но служит ей лучшим союзником. Эти два чувства должны жить рука об руку и помогать одному другому. Их можно сравнить с двумя колоннами храма или двумя колесами, на ко-

торых движется государственная колесница». Единство материального и духовного, необходимости того и другого в жизни — мысль естественная и неоспоримая, позволяющая полимату высокие слова Толстого об искусстве в том смысле, что оно содействует формированию гражданского сознания в народе, его нравственному совершенствованию. Тот народ, говорил Толстой, в котором чувство прекрасного развито сильно и полно, в котором оно составляет потребность жизни, не может не иметь вместе с ним и чувства законности, и чувства свободы. Пoэт верил, что придет время, когда повсеместной реальностью станет убеждение, что не хлебом единым жив человек, что искусство является важной составной частью его духовной жизни.

В подсознании совершаются «творчества с покоям соглашением», живет «мысли в душевной тишине», и воскресает старый девиз борца за высокое искусство: «Любовь же миг, пока к нему

так от них меня отторг? Кто отрицал от тишины?» И как в ответ — воспоминания о горестных стихиях поэта: «Гы, почто, злая кручинка», «Ты неведомое, незнамое», «Исполять тебе, жизнь — баба старая» и др.

В них за изящной стилизацией искренние чувства понимания народной жизни, сострадание и сочувствие обездоленным и униженным. Поэтому они воспринимаются как выражение неодинаковой действительности, где торжествует зло.

Это характеризуется поэтом как «со любой дважды душа постыдный торг», который теперь стал для него «без смысла и значения».

Жизнь подошла к концу: «Для всех тревог бесследно умер я», — и тут же неожиданное: «И ожил вновь в сознанье бытия...»

В подсознании совершаются «творчества с покоям соглашением», живет «мысли в душевной тишине», и воскресает старый девиз борца за высокое искусство: «Любовь же миг, пока к нему

так от них меня отторг? Кто отрицал от тишины?» И как в ответ — воспоминания о горестных стихиях поэта: «Гы, почто, злая кручинка», «Ты неведомое, незнамое», «Исполять тебе, жизнь — баба старая» и др.

В них за изящной стилизацией искренние чувства понимания народной жизни, сострадание и сочувствие обездоленным и униженным. Поэтому они воспринимаются как выражение неодинаковой действительности, где торжествует зло.

Это характеризуется поэтом как «со любой дважды душа постыдный торг», который теперь стал для него «без смысла и значения».

Жизнь подошла к концу: «Для всех тревог бесследно умер я», — и тут же неожиданное: «И ожил вновь в сознанье бытия...»

В подсознании совершаются «творчества с покоям соглашением», живет «мысли в душевной тишине», и воскресает старый девиз борца за высокое искусство: «Любовь же миг, пока к нему

так от них меня отторг? Кто отрицал от тишины?» И как в ответ — воспоминания о горестных стихиях поэта: «Гы, почто, злая кручинка», «Ты неведомое, незнамое», «Исполять тебе, жизнь — баба старая» и др.

В них за изящной стилизацией искренние чувства понимания народной жизни, сострадание и сочувствие обездоленным и униженным. Поэтому они воспринимаются как выражение неодинаковой действительности, где торжествует зло.

Это характеризуется поэтом как «со любой дважды душа постыдный торг», который теперь стал для него «без смысла и значения».

Жизнь подошла к концу: «Для всех тревог бесследно умер я», — и тут же неожиданное: «И ожил вновь в сознанье бытия...»

В подсознании совершаются «творчества с покоям соглашением», живет «мысли в душевной тишине», и воскресает старый девиз борца за высокое искусство: «Любовь же миг, пока к нему

так от них меня отторг? Кто отрицал от тишины?» И как в ответ — воспоминания о горестных стихиях поэта: «Гы, почто, злая кручинка», «Ты неведомое, незнамое», «Исполять тебе, жизнь — баба старая» и др.

В них за изящной стилизацией искренние чувства понимания народной жизни, сострадание и сочувствие обездоленным и униженным. Поэтому они воспринимаются как выражение неодинаковой действительности, где торжествует зло.

Это характеризуется поэтом как «со любой дважды душа постыдный торг», который теперь стал для него «без смысла и значения».

Жизнь подошла к концу: «Для всех тревог бесследно умер я», — и тут же неожиданное: «И ожил вновь в сознанье бытия...»

В подсознании совершаются «творчества с покоям соглашением», живет «мысли в душевной тишине», и воскресает старый девиз борца за высокое искусство: «Любовь же миг, пока к нему

так от них меня отторг? Кто отрицал от тишины?» И как в ответ — воспоминания о горестных стихиях поэта: «Гы, почто, злая кручинка», «Ты неведомое, незнамое», «Исполять тебе, жизнь — баба старая» и др.

В них за изящной стилизацией искренние чувства понимания народной жизни, сострадание и сочувствие обездоленным и униженным. Поэтому они воспринимаются как выражение неодинаковой действительности, где торжествует зло.